

Константин ВАНШЕНКИН:

КОСТРЫ

ВОСПОМИНАНИЙ

В 1942 году Константин Ваншенкин ушел из десятого класса в армию. Он служил рядовым в воздушно-десантных войсках, сражался на 2-м и 3-м Украинском фронтах, участвовал в освобождении от фашистов Венгрии, Австрии, Чехословакии, закончил войну в звании гвардии сержанта. За четыре послевоенных десятилетия у Ваншенкина вышло более 50 книг. Многие его стихотворения стали песнями («Я люблю тебя, Жизнь», «Вальс расставанья», «Алеша», «Мы вас подождем», «За окошком свету мало»), давно уже вошедшими в золотой фонд нашего музыкального искусства. Сам Ваншенкин не считает себя военным поэтом, но в любом его сборнике непременно присутствуют стихи о войне. В душе не угасают, по его словам, «костры воспоминаний»...

— Константин Яковлевич, в 1952 году вы написали стихотворение, в котором были такие строки: «Война. Далекие года...», а много лет спустя, в конце 1984 года, журнал «Дружба народов» опубликовал поэтический цикл, где вы как бы по-новому осмысливаете войну и тот главный день, который «на всю жизнь случился с нами».

— Думаю, что это в какой-то степени даже закономерно. Наш поезд уходит все дальше и дальше, все быстрее и быстрее, но из окна, с площадки последнего вагона очень далеко уплывающая наша молодость становится все более яркой и отчетливой. За каждым из нас тянется непрерывная цепочка военных стихотворений, как цепь следов по снежному полю. Юность далеко, но по этим следам к ней всегда можно вернуться.

Войну забыть нельзя, потому что она в нас. «...Откуда мы? Мы вышли из войны» — это о моем поколении. Годы спустя мы с новой силой ощущаем прежнюю боль и понимаем, что она никогда не исчезала. Прошло 40 лет, а мы все пишем о войне (не знаю, есть ли такое в других литературах мира и особенно в подобном масштабе), все мечтаем и стремимся написать о ней точнее и глубже.

Большая честь и большая ответственность быть поэтом фронтового

поколения. В 1973 году Литературный институт имени А. М. Горького отмечал свое сорокалетие. В большом зале Дома литераторов был вечер, приуроченный к этому событию. Среди прочих выступал там и я. В мои студенческие годы в Литинституте — на всех его пяти курсах — одновременно учились чуть более ста человек. Я задался целью восстановить по памяти пятьдесят из них, что мне удалось без всякого труда. Вот только некоторые из фамилий: С. Орлов, Г. Бакланов, Ю. Бондарев, Е. Винокуров, Ю. Друнина, Г. Поженян, В. Розов, В. Тендряков, Е. Исаев, Н. Старшинов, А. Турков... Список произвел сильное впечатление на присутствующих, он мог удивлять самые взыскательные вкусы. И это только выпускники Литинститута. А сколько было и есть прекрасных поэтов-фронтовиков вне его стен! Как видно, сама природа и судьба позаботились о том, чтобы появились яркие, талантливые художники, рассказывающие о подвиге народном.

Это тема вечная. Теперь ее в каком-то новом аспекте разрабатывает молодое литературное поколение — те, кого война коснулась смутным детским воспоминанием, тонкой лачкой фронтовых отцовских

писем, крохотной фотокарточкой давней суровой поры.

— То есть вы имеете в виду, как вы его называете, «поношение в полном составе»?

— Да, и люди этого поколения понимают, что от войны на уйти — до конца — не только нам, но и им тоже. Московские старшеклассники писали сочинение на тему «Эхо минувшей войны». Я часто перелистываю их тетрадки и каждый раз заново рабадюю их стремлению понять все, что было, желанию взять на себя чужую боль, глубине и чувстве, и мысли.

И все-таки — удивительно! — я не заметил в них или почти не заметил понимания того, что многие участники войны были их сверстниками, такими же, как они сейчас. Для них это только теперешние старые люди. И главное, думаю, здесь не возраст, а разность мироощущения. Какой-то ограничитель не позволяет им увидеть иначе, поставить себя на их место, то есть на наше место.

Размышляя о нынешних молодых и не желая пользоваться довольно уже надоевшим словом

«инфантильность», я часто вспоминаю слова Марины Цветаевой о «мальчишках» — генералах 1812 года: «о, молодые генералы своих судьб!» Не таким ли был и Аркадий Гайдар, в свои 16 лет командовавший полком. И, опять же возвращаясь к войне, я думаю о том, что раннее взросление и раннее движение на войне происходит не только потому, что там существует горькая неизбежная освобождаемость всяческих должностей, постоянная вакансия, что ли, а главным образом потому, что сами обстоятельства заставляют принимать смелые и ответственные решения, что способствует развитию таланта и личности. К сожалению, сегодня часто приходится отмечать, что некоторые молодые живут вполсилы, словно они считают, что настоящая их жизнь еще не началась, торопиться особенно некуда, все успеется. В общем, многое в этом племени «младом, незнакомом» мне нравится, но кое-что и огорчает.

— Как-то вы признались, что одна из самых ярких радостей вашей жизни — знакомство и

общение с А. Т. Твардовским.

— Первый раз по-настоящему, в шаге от себя я увидел Твардовского на втором совещании молодых писателей в 1951 году. Моим семинаром руководили С. Гудзенко и А. Межиров, по сути, наши сверстники. Вдруг во время одного из обсуждений дверь открылась и вошел Твардовский. Тогда ему был 41 год, но мне казалось, что это очень много. Ведь он написал уже не только «Страну Муравью», но и «Теркина», и «Дом у дороги», «Я убит подо Ржевом», «В тот день, когда окончилась война» и многие другие шедевры лирики.

Никому на свете не показывал я свои стихи с таким волнением, с таким душевным трепетом как ему, — и это чувство ничуть не потускнело с годами. Всякая встреча и разговор с ним оставляли ощущение значительности, важности произошедшего с тобой. Я чаще всего испытывал после общения с Твардовским острое желание работать, что-то сделать, и не просто, а на пределе своих возможностей. Это была удивительная личность, огромного ох-

вата, масштаба, ума, при некоторой суровости, как мне казалось порою, чуть-чуть напускной. Я не встречал человека, который бы не слушал его, что называется, разинув рот. А в стихах он умел так поставить слово, так повернуть его, что это поражало, как взрыв, — сохраняя полнейшую естественность. Кстати, именно Твардовский посоветовал мне начать писать прозу, что я делаю по сей день.

— Константин Яковлевич, среди ваших прозаических произведений таких, пожалуй, как «Армейская юность», «Авдюшин и Егорычев», «Графиня с петухом», и других, мое внимание привлекла книга «Наброски к роману». Что за странное название?

— Прежде чем ответить на ваш вопрос, я позволю себе небольшое отступление. Когда поэт начинает писать прозу, это воспринимается всеми как большая неожиданность, как новый этап в его творчестве. При появлении каждой моей новой прозаической вещи при встрече мои коллеги, собравшись по перу, непременно спрашивали: «Перешел на прозу?», хотя у меня одновременно всегда публиковались и стихи.

Так вот, я давно мечтал написать автобиографический роман. Настоящий роман, с переkre-

щением сюжетных линий, многими действующими лицами, большим временным охватом — мое детство, война, послевоенные годы. Главный герой (то есть как бы я) — демобилизованный солдат, сначала начинающий, а затем профессиональный поэт. И кроме самого действия, разумеется, любви в уста героя и других персонажей свои наблюдения над поэзией, песней, переводом, подарить ему, молодому, мои ранние неопубликованные стихи — в общем написать нечто вроде большого синтетического романа. Долго я пестовал свой замысел и в конце концов решил от него отказаться. Слишком получалось все громоздко. Тогда решил напечатать не роман, а лишь наброски к нему. Сюда вошли мои размышления о моих друзьях, о Литинституте, о моих любимых учителях — Исаковском и Твардовском, размышления о собственном поэтическом творчестве и многое другое.

— В вечном споре о том как нужно писать стихи, вы всегда оставались самим собой — ваши строки просты, искренни, естественны. А как вы сегодня ваши основные поэтические принципы, не изменились ли они?

— Вы знаете, мне кажется, что это дело критиков — анализировать основные принципы творчества и объяснять их. Иногда я с их мнением не соглашусь, иногда они попадают в самую точку. Так, мне очень не согласнаюсь, иногда они попадают в самую точку. Так, мне очень не согласнаюсь, иногда они попадают в самую точку. Так, мне очень не согласнаюсь, иногда они попадают в самую точку.

Главный мой принцип — быть правдивым, всегда быть самим собой. На мой взгляд, писать стихи не в своей манере — это все равно что в обиходе разговаривать с окружающими не своим естественным голосом, а голосом какого-либо актера. Есть поэты, полагающие под чужую интонацию, как под поезд. Конечно, все мы в молодости испытываем чье-то влияние, без этого нельзя, это все равно что переболеть корью. Но нелепо же болеть корью всю жизнь.

Я и сегодня с полным правом могу повторить свои слова, сказанные много лет назад: «Я ценю свой прочный дом, ясность мудрую в народе и естественность во всем: в жизни, в женщине, в природе». Вот и ответ на ваш вопрос.

Беседу вел
Т. СЛАВИНА